

**ФИЛОЛОГИЯ. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
**PHILOLOGY. RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF THE
PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Научная статья
УДК 821.161.1

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.20-30>

**ВЛИЯНИЕ ЛИЧНОСТИ Л.Н. ТОЛСТОГО НА Л. ВИТГЕНШТЕЙНА.
ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Д.А. Шаховцев¹, К.А. Нагина²

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

¹*dancebaka@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-4703-4481>*

²*k-nagina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7676-9228>*

Аннотация. Статья посвящена исследованию этического влияния Льва Толстого на философские взгляды Людвиг Витгенштейна. Основное внимание уделено анализу идей, изложенных в «Кратком Евангелии» Толстого, где формулируется особая концепция нравственного совершенствования личности и понимание Евангелия как практического руководства к жизни. В статье прослеживаются биографические и интеллектуальные связи между мыслителями, включая их обращение к проблемам веры, внутреннего возрождения и ответственности перед другими людьми. Показано, что обращение Витгенштейна к Толстому во время Первой мировой войны стало важным этапом в его духовных поисках и оказало влияние на формирование его представлений о совести, вине и подлинной жизни. Особое внимание уделено сопоставлению их взглядов на смысл жизни, возможность обретения гармонии с миром и роль искусства как средства духовного очищения и самоограничения. Исследуется, каким образом идеи Толстого о непротивлении злу, необходимости самодисциплины и радикальной требовательности к себе были восприняты Витгенштейном и повлияли на его этические и философские построения, несмотря на культурные и исторические различия между ними, а также различие их интеллектуальных традиций и различного философского и культурного контекста эпохи.

Ключевые слова: Толстой; Витгенштейн; этика; религия

Для цитирования: Шаховцев Д.А., Нагина К.А. Влияние личности Л.Н. Толстого на Л. Витгенштейна. Этический аспект. *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(1): 20–30. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.20-30>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.20-30>

**INFLUENCE OF LEO TOLSTOY'S PERSONALITY ON
L. WITTGENSTEIN. ETHICAL ASPECT**

D.A. Shakhovtsev¹, K.A. Nagina²

Voronezh state university, Voronezh, Russia

¹*dancebaka@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-4703-4481>*

²*k-nagina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7676-9228>*

Abstract. The article examines the ethical influence of Leo Tolstoy on the philosophical views of Ludwig Wittgenstein. It focuses on an analysis of the ideas set out in Tolstoy's The Gospel in Brief, where a distinctive conception of the moral perfection of the person is formulated and the Gospel is understood as a practical guide to life. The article traces the biographical and intellectual

connections between the two thinkers, including their engagement with the problems of faith, inner rebirth, and responsibility toward other people. It is shown that Wittgenstein's turn to Tolstoy during the First World War became an important stage in his spiritual quest and influenced the formation of his views on conscience, guilt, and authentic life. Special attention is paid to comparing their views on the meaning of life, the possibility of attaining harmony with the world, and the role of art as a means of spiritual purification and self-restraint. The article explores how Tolstoy's ideas of non-resistance to evil, the necessity of self-discipline, and radical stringency toward oneself were received by Wittgenstein and shaped his ethical and philosophical constructions, despite the cultural and historical distance between them, as well as the divergences in their intellectual traditions and in the philosophical and cultural context of their respective epochs.

Keywords: Tolstoy; Wittgenstein; ethics, religion

For citation: Shakhovtsev D.A., Nagina K.A. Influence of Leo Tolstoy's personality on L. Wittgenstein, Ethical aspect. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(1): 20–30. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.20-30>

В личном письме, направленном в 1919-ом году своему товарищу Людвигу фон Фикеру, Витгенштейн пишет об этическом характере «Логико-философского трактата». Этическое в «Трактате» выражается категорией мистического, которая также касается эстетики, области божественного, рассуждений о смысле и ценности жизни.

Чтобы лучше понять стратегии взаимодействия Витгенштейна с «мистическим», было бы полезно рассмотреть две нити влияния, связывающие его с творчеством Льва Николаевича Толстого. Первая из этих нитей – биографическая. Образ жизни Толстого, особенно в последние три десятилетия его жизни в определённом смысле стал для Витгенштейна воплощением того, что значит для человека «жить счастливо». Вторая же нить связана с философией Толстого в узком смысле: его трактатами и прочими нехудожественными произведениями.

Очевидно, что из толстовских работ наиболее значительное влияние на Витгенштейна оказал текст «Краткого Евангелия», прочитанный им в период службы на фронте. Важно отметить, что для Европы Толстой, оказавший влияние на многих деятелей мировой культуры в последние десятилетия XIX века и первые десятилетия XX, в первую очередь был не романистом, написавшим «Войну и мир» и «Анну Каренину», а скорее, светским философом-моралистом, исследовавшим и мучительно переживающим своей «Исповеди» группу сложных этических вопросов, остававшихся в центре его интеллекту-

альной и духовной жизни вплоть до смерти в 1910 году [1, с. 47]. Проблемы, ставшие для Толстого позднего периода главной заботой, можно было бы для удобства свести к единственному вопросу: почему человек должен отказаться от самоубийства и предпочесть жить в мире, который кажется любому рефлексующему человеку бессмысленной чередой неизбежных страданий? Этот вопрос позднее заинтересует и молодого Витгенштейна. Подобно Толстому, он станет размышлять о сущности мистического и религиозного, роли искусства и художника, осуществлении нравственного возрождения и преображения. Как пишет сам Толстой в своей «Исповеди», его экзистенциальное беспокойство было вызвано внезапным и мучительным откровением, что ничто из его заслуг — ни титул, ни имения, ни литературные достижения, ни слава, ни даже любовь жены и детей — не имеет никакого значения. Прежние жизненные ориентиры: слава, богатство и семейная любовь, ранее определявшие положение Толстого в мире и указывавшие ему путь к благополучию и жизненному счастью, теперь, казалось, полностью утратили своё значение. Единственными истинами оставались несчастье и смерть. То, что жизнь, когда-то столь желанная, теперь казалась не более чем чередой мрачных дней, «преследующих и ведущих» человечество к неизбежной смерти, составляло правду, открывшуюся ему в попытках решения одного вопроса: «Что выйдет из того, что я делаю нынче, что буду делать завтра, — что выйдет из всей моей жизни?» [2, с. 26]. Ответ на свой вопрос Толстой искал, обращаясь к обеим главенствующим сферам человеческого познания: науке и метафизике. Однако в науках, этом «царстве экспериментального знания», он разочаровался, поскольку их точность и ясность показались ему обратно пропорциональными их применимости к реальным вопросам жизни. Обратившись за ответом на «вопросы жизни» к метафизике, «сфере умозрительной философии», Толстой был не менее разочарован. [3, с. 215] Он видел в европейской философии нездоровую склонность к постановке пустых вопросов и механистичности рассуждений. Толстой писал, что подобного рода подход

бесплоден сам по себе, так как предполагает не решение насущных проблем, а их маскировку [2, с. 50].

Для позднего Толстого наука просто не имеет отношения к поставленному им вопросу, а философия только переформулирует его, подобно математическим тождествам, только в более сложной форме. Убедившись в этом, Толстой приходит к парадоксальному выводу: «Разум есть плод жизни, и разум этот отрицает самую жизнь» [2, с. 49]. Абсурд, в который человека втягивает собственный разум, заставил Толстого с подозрением отнестись к умозрительным рациональным системам, претендующим на объяснение действительности и поиск ответов на «жизненные вопросы». Более того, Толстой стал подозревать сам разум: можно сказать, что он осознал неспособность разума исследовать самого себя.

Так Толстой смог совершенно по-новому взглянуть на проблему разума и познания. Существенно, что он не считал неизбежным выбор: либо принять разум и отвергнуть жизнь, либо принять жизнь и отвергнуть разум. В этом смысле он пошёл по пути компромисса, установив, что принять жизнь – это значит не отвергнуть разум, но лишь ограничить его применение теми сферами, которые ему присущи, – наукой и философией. Если «человечество в целом обладает каким-то пониманием смысла жизни», то его знание должно отличаться от «рационального знания» науки и философии. Оно должно лежать в «иррациональном знании» или «вере». Как рациональное знание даёт возможность науки и философии, так вера, по Толстому, «даёт возможность жить» и истинно познавать жизнь [2, с. 49].

Сформулировать вопрос о смысле или ценности жизни по-новому значит осознать, что все это время вопрос был по своей сути не рациональным, но мистическим, религиозным. Толстой понимает, что раньше он жил в отрыве от источника жизни, что этот источник – Бог, и что, только вновь связав себя с этим источником, он может вновь утвердить и принять свою жизнь.

Переформулирование Толстым своего вопроса о смысле жизни в религиозном ключе — знак того, что он начал «выздоровливать от болезни разума». «Итак, — признается он, — сила жизни возобновилась во мне, и я опять начал жить» [2, с. 49]. Но Толстому не сразу удалось определить, какая именно традиция должна стать его «направлением» к «берегу Божию».

Мы уже упоминали, что Толстой не отказывал человечеству в общем понимании смысла жизни. Здесь следует быть особенно осторожным, поскольку Толстой в первую очередь имеет в виду именно ту часть человечества, к которой относился простой русский крестьянин, которого он был склонен воспринимать в определённом смысле идилически, как трудолюбивого, смиренного, молчаливого и милосердного. Именно эти черты Толстой принимал за надёжные признаки подлинно религиозной формы жизни.

Эти черты Толстой связывает в первую очередь с христианской этикой. Именно христианская традиция представлялась ему наиболее достойной пристального изучения. Такое изучение поставило Толстого перед определенной проблемой. Тщательный анализ, начавшийся во второй половине 1870-х годов, привёл Толстого к горькому выводу о том, что доктринальные интерпретации этих заповедей и все богословие, в котором они содержатся, совершенно ложны.

Иррациональное знание или вера простого русского человека, его, свободное от институтов, понимание смысла и ценности жизни — вот что вдохновило Толстого взяться за амбициозный проект по переводу и объяснению Евангелий. С марта 1889 года по июль следующего года он подготовил толкование этих писаний, которое было опубликовано в трёх томах в Женеве в 1892 году под названием «Собрание, перевод и исследование четырех Евангелий».

Самое важное в этом переводе Евангелий — то, что Толстой приложил к каждому из них личное толкование и, кроме того, оставил во многих местах глубокомысленный анализ и комментарий. Объем этого произведения был очень велик, и Толстой понимал, что оно попросту может отпугнуть многих из той аудитории, для которой он его предназначал. Поэтому он решил написать

одновременно и более сжатый сборник, содержащий лишь избранные, наиболее существенные места христианского учения. Являясь чем-то вроде введения к более крупному произведению, оно появилось в 1890 году под названием «Сокращение Евангелия»

Уже через год после этого в одном берлинском издательстве появился немецкий перевод «Сокращения» под названием «Kurze Auslegung des Evangeliums» (Краткое толкование Евангелия). Позднее в том же году в издательстве в Лейпциге вышло еще одно издание этого перевода под названием «Краткое объяснение Евангелия» («Kurze Darlegung des Evangeliums») [4, с. 79].

Витгенштейн первоначально познакомился с этой книгой через второе, лейпцигское издание. Мы знаем это потому, что в 1923 году он подарил свой экземпляр этого издания одному из своих друзей. Почти наверняка этот же самый том Витгенштейн упоминал в разговорах с Бертраном Расселом в 1915 году, когда рассказывал о своей службе на фронтах Первой мировой войны.

В письме, которое Рассел написал одной из своих близких знакомых в конце декабря 1919 года, он говорит о том, какое неожиданно большое влияние эта книга оказала на Витгенштейна. Он не прекращая читал её, и с тех пор она всегда была с ним.

Рассел и позже не забывал о глубине влияния Толстого на фигуру Витгенштейна. Более тридцати лет спустя он напомнил об этом в некрологе, посвященном его бывшему ученику, другу и, в конечном счете, учителю.

Кажется, что это влияние было спонтанным. В дни до 1914 года Людвиг Витгенштейн занимался почти исключительно логикой. Существуют свидетельства, что до этого он был догматически антихристианином, но в этом отношении он полностью изменился. Уже во время Первой мировой войны или, возможно, незадолго до неё он изменил своё мировоззрение и стал в большей или меньшей степени мистиком.

В первый месяц своего пребывания в Галиции Витгенштейн зашел в небольшой книжный магазин, где смог найти только одну книгу: «Краткое Еван-

гелие» Толстого. Эта книга по-настоящему захватила его. Она стала для него своего рода талисманом: он носил ее с собой, куда бы ни пошел, и читал так часто, что знал наизусть целые отрывки. Среди военных товарищей он даже стал известен как «человек с Евангелием».

Итак, до того как Витгенштейн прочитал «Евангелие в кратком изложении» Толстого, он был «догматически антихристианином». После знакомства с толстовским текстом он изменился до такой степени, что производил на окружающих впечатление человека с глубоко религиозным складом ума. В перерывах между сражениями на Восточном фронте книга Толстого смогла помочь Витгенштейну ответить на вопрос о том, как возможно «жить счастливо».

Здесь могут возникнуть вопросы: какие именно толстовские идеи сумели сохранить жизнь Витгенштейну на фронте? Для ответа на этот вопрос необходимо более внимательно рассмотреть связь между идеей Толстого о «жизни вне времени» и идеей Витгенштейна о «жизни знания».

Обе упомянутые идеи связаны с определённой позицией к себе, миру и своему отношению к происходящим в мире событиям, маркирующей её обладателя качеством, подобным отрешённости и невозмутимости. Оба мыслителя считают это качество важным условием жизненного благополучия. Кроме того, они также согласны в том, что такое это качество является следствием свободного восприятия, при котором человек воспринимает мир в аспекте вечности, с точки зрения, находящейся вне физического пространства, времени и причинности. Мысль Толстого об отношении человека, увидевшего мир с точки зрения вечности, особенно ярко проявляется в главах с седьмой по десятую «Краткого Евангелия». Когда через «иррациональное знание» или веру человек соединяет свою волю с божественной и тем самым приходит к жизни в согласии с первоосновой своего бытия, он приходит к жизни «истинной», которая находится в вечном настоящем.

Итак, время для Толстого – условие возможности истории; история – условие любой биографии; а биография – условие возможности любой индиви-

дуальности. Уничтожение частного в такой парадигме может восприниматься как гармонизация собственной воли с волей мировой. В такой гармонизации индивид не желает изменить происходящее в мире. Подобное же настроение считается в записных книжках Витгенштейна от шестого, восьмого и четырнадцатого июля 1916 года [5, с. 89], а также в высказываниях 6.4311 и 6.4312 «Трактата». 6/7/16 Витгенштейн спрашивает: «Но возможно ли так жить, чтобы жизнь перестала быть проблематичной? Чтобы человек жил в вечности, а не во времени?» [6, с. 26]. Через два дня после этого он возвращается к этой теме: «Что делает жизнь «проблематичной», так это то, что она проживается «перед лицом смерти». Жить так – значит жить в страхе и надежде, которые исключают возможность жить без возмущений» [5, с. 100].

Для Толстого истинная жизнь начинается с трансформации своих представлений о мире. Из успешного отражения мира в индивиде и возникает гармония индивидуальной воли с мировой. В «Записных книжках» мы видим, что витгенштейновское представление о «счастливой жизни» включает в себя мысль о том, что обретение гармонии человека и мира вокруг него является важнейшим моментом способа бытия в мире: счастливая жизнь представляется в некотором смысле более гармоничной, чем несчастливая.

Для Толстого гармония между конечным существом и Бесконечным, обуславливающая истинную жизнь настоящего, закрыта для того, кто ведёт «жизнь во времени». «Жить во времени – значит переживать свою жизнь как простое стечение мгновений, соединяющих случайность рождения с неизбежностью смерти.

Для обоих мыслителей условием получения «высшего» знания является признание того, что истории естественных наук лишь ставят загадку ценности жизни, оставаясь немymi в отношении ее решения. Именно это имеет в виду Витгенштейн, когда говорит, что проблема придания ценности или смысла жизни перед лицом смерти «лежит вне пространства и времени». И для Толстого, и для Витгенштейна загадка решена, проблема решена тогда и только тогда,

когда божественность человека соприкасается с личностью божественного в пограничной области между временем и вечностью. Там, где соприкасаются конечное и Высшее, встречаются жизненный факт и ценность; где встречаются жизненный факт и ценность, там гармонируют воля и мир; а где гармонируют воля и мир, там есть «истинная жизнь» Толстого и «жизнь знания» Витгенштейна.

В этих размышлениях Витгенштейна заметен след этико-религиозной мысли Толстого из «Краткого Евангелия». Само Евангелие свидетельствует об убежденности Толстого в том, что жизнь и учение Иисуса наиболее полно воплощают решение человеческой проблемы придания смысла жизни, прожитой перед лицом смерти. Это решение лучше всего проявляется в жизни, которую вёл сам Иисус. Жизненные принципы Толстого происходили из подражания Толстого жизни и учению Иисуса, на которые он опирался как на идеал для исправления и совершенствования собственного характера и поведения.

Если мы допустим, что Евангелие Толстого отражает его собственный идеал добродетельного характера почти в той же степени, в какой оно представляет жизнь и учение Иисуса как образец этого идеала, будет правильно рассматривать экзистенциальную реакцию Витгенштейна на его «Исповедь» как подражание Толстому. Эта реакция проявляется в жизни и мышлении Витгенштейна с момента его знакомства с книгой Толстого вплоть до его смерти в 1951 году, хотя формирующее влияние Евангелия на Витгенштейна наиболее очевидно в некоторых решениях, принятых им в молодом возрасте: в отказе от наследства и шестилетнем затворничестве в Нижней Австрии для обучения деревенских детей. Стоит, однако, признать, что ни Толстой, ни Витгенштейн не были радикально последовательны в своём движении по намеченному нравственному пути. Даже после нравственного кризиса, разделившего жизнь на две непохожие половины, Толстой продолжал жить в Ясной Поляне, а Витгенштейн вернулся к философии и Кембриджу после того, как обнаружил, что его пассионарность и перфекционизм не подходят для роли сельского школьного учителя. Но все это не отменяет того, что каждый из них попытался воплотить

в своей жизни идеал служения Христу. В мировоззрениях обоих мыслителей важнейшую роль играла аскеза, отказ от привычных жизненных удобств ради служения бедным, неправым и обездоленным. Оба мыслителя имели сходное представление об этике и её отношении к благополучной, счастливой жизни, понимая её не как рациональную систему обязательств или принципов, а как практику, действие в соответствии с определенным нравственным идеалом.

Список литературы

1. Woodruff D. Tolstoy and Wittgenstein: The Life Outside of Time. *The Southern Journal of Philosophy*. 2002; LX: 421–434.
2. Толстой Л.Н. *Исповедь*. Полн. собр. соч. в 90 т. Москва: Худож. лит.; 1928–1958. Т. 23. С.1–60.
3. Асмус В. Ф. Мировоззрение Л.Н. Толстого. Москва: Логос; 1969. 320 с.
4. Пикфорд Г. Мыслить, как Толстой и Витгенштейн: искусство, эмоции и выражение. Санкт-Петербург: Academic Studies Press. Библиороссика; 2021. 303 с.
5. Витгенштейн Л. Тайные дневники 1914 – 1916 гг. Москва: Логос; 2004. 115 с.
6. Витгенштейн Л. Философские работы. Москва: Гнозис; 1994. 405 с.

References

1. Woodruff D. Tolstoy and Wittgenstein: The Life Outside of Time. *The Southern Journal of Philosophy*. 2002; LX: 421–434.
2. Tolstoy L.N. *Confession*. Poln. sobr. soch. v 90 t. Moscow: Khudozh. lit.; 1928–1958. V. 23. Pp. 1–60.
3. Asmus V. F. *L.N. Tolstoy's worldview*. Moscow: Logos; 1969. 320 p.
4. Pickford G. Thinking like Tolstoy and Wittgenstein: art, emotion and expression. Saint Petersburg: Academic Studies Press /Bibliorossika; 2021. 303 p.
5. Wittgenstein L. The Secret Diaries 1914–1916 gg. Moskva: Logos; 2004. 115 p.
6. Wittgenstein L. Philosophical works. Moskva: Gnosis; 1994. 405 p.

Авторы публикации

Шаховцев Данил Андреевич –
аспирант филологического факультета
Воронежский государственный университет
Воронеж, Россия
Email: dancebaka@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0001-4703-4481>

Нагина Ксения Алексеевна
доктор филологических наук, профессор
Воронежский государственный университет
Email: k-nagina@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7676-9228>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Authors of the publication

Shakhovtsev Danil Andreevich –
PhD Student
Voronezh State University
Voronezh, Russia
Email: dancebaka@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0001-4703-4481>

– **Nagina Ksenia Alekseevna** –
Doctor of Philology, Professor
Voronezh State University
Email: k-nagina@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7676-9228>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Поступила в редакцию: 02.02.2025

Одобрена после рецензирования: 25.09.2025

Принята к публикации: 28.10.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Submitted: 02.02.2025

Approved after peer reviewing: 25.09.2025

Accepted for publication: 28.10.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.